

— Ты не подскажешь, кто он вообще такой? — спросила Дуаньму Сяолин.

Солдат покачал головой:

— Не знаю, его назначили напрямую сверху!

— Хорошо, я поняла, — улыбнулась Дуаньму Сяолин.

Когда солдат ушел, Дуаньму Сяолин глубоко вздохнула. Она никак не ожидала, что все обернется подобным образом! По ее сценарию, Фан Юй должен был вызвать всеобщее презрение солдат и военнопленных, а следом за ними — и разочарование Нань Шу, который находился под общим влиянием. В конце концов Нань Шу должен был отвернуться от него и возвысить ее! И тогда ее подвиги получили бы заслуженную открытую огласку, пока о них не услышал бы Призрачный Генерал! Разве не ей следовало стать главным врачом?

Но теперь ей предстояло ночевать вместе с целой толпой военнопленных. Она своими глазами видела, насколько грязно и хаотично в Зоне военнопленных. Раньше, когда она лечила пленных, это происходило под защитой солдат, и ей вовсе не приходилось беспокоиться о собственной безопасности. А теперь...

— Госпожа Сяолин!

Услышав, что ее кто-то зовет, Дуаньму Сяолин обернулась и увидела одного из своих преданных поклонников.

— Что такое?

— Этот Фан Юй просто возслыхан! Начальник Наблюдателей додумался заставить вас спать в таком месте.

— Ничего страшного, привыкну.

— Но вы ведь совершенно не должны терпеть подобные унижения! Госпожа Сяолин, послушайте: в нынешнем походе есть один человек, который, пожалуй, сможет помочь вам выбраться отсюда, только...

Дуаньму Сяолин прищурилась, и в ее глазах мелькнул хитрый огонек:

— Кто же это?

— Какой-то аристократ по имени Линь Цзитан. — Почему ему показалось, будто госпожа Сяолин куда-то спешит?

— Линь Цзитан?

— Да, он сын нынешнего великого наставника и известный в столице мажор. В этот раз он отправился сюда ради закалки. Вообще-то мне не стоило бы советовать вам сближаться с таким испорченным человеком, но сейчас он — единственный, к кому проще всего

подобраться.

— И как же к нему подобраться?

Солдат огляделся по сторонам, наклонился к ее уху и шепотом бросил фразу.

Все вышло именно так, как и говорил солдат: не прошло и трех дней, как Дуаньму Сяолин забрали люди, присланные Линь Цзитаном.

Фан Юй развалился на мягком кресле из лисьей шкуры и бросил взгляд на Нань Шу, сидевшего на жесткой деревянной скамье. Тот как раз листал несколько тетрадей, увлеченный чтением неизвестно чего. Почувствовав на себе взгляд, Нань Шу повернул голову:

— На что смотришь?

— Кто такой Линь Цзитан?

Нань Шу помрачнел:

— Тебе незачем знать, кто он.

— Хорошо, зайдем с другой стороны: с каких это пор Дуаньму Сяолин снюхалась с Линь Цзитаном?

Услышав слово снюхалась, Нань Шу посмотрел на Фан Юя сложным взглядом:

— И в это тебе тоже лезть не нужно. Лучше подумай о том, какой предлог ты сегодня придумаешь, чтобы снова мне отказать!

Фан Юй немного помолчал:

— Ты меня не любишь.

Нань Шу нахмурился.

Взгляд Фан Юя скользнул ниже, на бугорок между ног собеседника, который уже вновь начал наливаться силой:

— Потому что ты хочешь только отыметь меня.

Взгляд Нань Шу мгновенно потемнел:

— ...Детка, я хочу тебя отыметь именно потому, что люблю.

Фан Юй спокойно моргнул, затем неторопливо поднялся, и на его лице застыло выражение

глубокой усталости от жизни:

— Я разве не говорил тебе?

— О чем?

— Больше всего на свете я ненавижу, когда меня называют деткой.

— ...

— И еще, мой верный пёсик, ты только что слегка переборщил с ООС? Ты что, этим местом думаешь? — Резким, точным и беспощадным движением Фан Юй запустил правую руку прямо в логово дракона и крепко вцепился в него.

Нижняя часть тела оказалась сжата мертвой хваткой — было больно, но куда сильнее ощущалось... блаженство! Дыхание Нань Шу резко участилось, источая истому, подобную дыханию дракона, от которой веяло неизмеримой, как бездна, мощью. Но Фан Юй сейчас был вне себя от ярости, и это слово — детка — подействовало словно спусковой крючок, мгновенно переводя его из обычного режима в темный.

Фан Юй прищурил глаза, а уголки его губ искривила холодная, похожая на лезвие ножа усмешка:

— Ты понимаешь, что сейчас играл с огнем?!

У Нань Шу мелькнуло странное ощущение, будто у него украли чужую реплику, но нынешний Фан Юй заставлял все его тело дрожать от возбуждения!

Конечности не поднимались и казались совершенно бесполезными, тело ломило так, будто по нему проехала телега, а меж ног царил невообразимый, чудовищный беспорядок. Фан Юй никак не ожидал, что когда-нибудь в жизни к нему будут применимы подобные описания! Он пластом лежал, раскинувшись словно дохлая рыба, пока грубая трава продолжала безжалостно тереться о нежную кожу, на которой давно не осталось живого места. Боль была невыносимой, зуд — нестерпимым, но поделать с этим он ничего не мог.

Фан Юй прикрыл глаза и с видом человека, размышляющего над фундаментальными загадками бытия, уставился на далекую занавеску. Он думал о том, является ли все случившееся минувшей ночью деградацией человеческой природы или же падением нравственности. Как главный герой, как красивый мужчина, в котором сочетаются и безупречная внешность, и острый ум, как он мог... Ему безумно хотелось впечатать кулак в землю, демонстрируя свой гнев, однако, как бы он ни тужился и ни краснел от напряжения, рука, безвольно валявшаяся рядом, даже не сдвинулась с места...

Ладно, мысленно вздохнул Фан Юй, оставалось лишь почтить память своей унесенной ветром невинности.

И как его угораздило дать себя отыметь какому-то страшному уюлюку!

Мысли постепенно вернулись к абсурдным событиям прошлой ночи...Фан Юй, доведённый до состояния полной ярости репликой Нань Шу о «детке», вцепился в его причинное место. Однако, вопреки ожиданиям Фан Юя, Нань Шу не только не сдался, сложив оружие, но, словно наглотавшись каких-то неведомых снадобий, в одно мгновение превратился из нежного и нормального поклонника в жестокого и извращённого мучителя.

Фан Юй помнил лишь то, как, подняв голову, встретился взглядом с глазами, глубокими, словно холодный омут при свете луны, в которых, казалось, вот-вот зашевелятся порождения бездны. Он лишь на мгновение замер, раздумывая, стоит ли ему бежать — хотя, по правде, другого выбора и не было, — но стоило ему ослабить хватку, как Нань Шу, подобно изголодавшемуся зверю, впечатал его в землю.

Затем, покусывая его за шею, он прошептал:

— Кто здесь играет с огнём, а?

Этот человек был до крайности мелочным! Скажите, разве не так? Какая разница, кто там с чем играет!

Фан Юй разозлился. Когда он злился, на его лице не отражалось ни единой эмоции, но внутри всё чернело, а душа искажалась ещё сильнее.

Он сам превратился в маленького дикого зверя: начал яростно царапать и кусать Нань Шу, хватая всё, что подворачивалось под руку, и швыряя в его голову, а при каждой возможности норовил лягнуть его величественное, могучее достоинство. Будь у него в руках нож, на теле Нань Шу наверняка прибавилось бы мужских шрамов.

А затем... затем домосед Фан Юй был подавлен.

Нань Шу, чьё терпение также подошло к концу и чей гнев полыхал пожаром, принялся иметь его во всех позах — сверху вниз, с пола на коврик, а затем на мягкое кресло — и делал это до полного изнеможения.

После он приоткрыл занавесь и прижал его к входу в шатёр: голова Фан Юя была повернута наружу, а зад — внутрь. Его обнажённые руки в ночном сумраке казались изваянными из прекрасного нефрита, и на них было приятно смотреть даже издалека.

Из-за приказа Нань Шу никто не смел обернуться, но едва сдерживаемые, надрывные стоны Фан Юя действовали подобно самому сильному приворотному зелью, терзая уши, тела и даже души солдат. Потоки вожделения прорвали плотину, перекрыв даже их страх.

Но как только они обернулись, мечтая коснуться этого прекрасного тела, мимо головы Фан Юя пронеслись бесчисленные холодные блики. А потом Фан Юй увидел, как все ближайшие солдаты пали замертво.

Они погибли из-за него, и в сознании Фан Юя непрерывно звенели системные уведомления — эти убийства также зачлись ему.

Затем Фан Юя унесли обратно, но пиршество не закончилось. О, Нань Шу наслаждался этим банкетом, а Фан Юй был лишь мясом на тарелке... В конце концов, он не выдержал: из-за того, что вёл малоподвижный образ жизни, он просто потерял сознание от переутомления.

Когда он пришёл в себя, уже наступил полдень следующего дня.

Пока он обдумывал, как бы отомстить этому человеку, виновник торжества вошёл в шатёр, лично неся миску с лекарством. Бросив взгляд на юношу, который лежал на полу, демонстрируя изящные линии обнажённой спины и упругие ягодицы, он почувствовал, что то место, которое только вчера было удовлетворено, снова начинает требовать своего... Он глубоко вздохнул, заставляя себя отвести взгляд от соблазнительных частей тела собеседника.

— Очнулся?

Фан Юй холодно ответил:

— Ты слепой?

Уголки губ Нань Шу дрогнули, и он вновь обрёл прежнюю мягкость. Поставив лекарство на стол, он подошёл и бережно помог Фан Юю сесть, низким, бархатным голосом произнеся с двусмысленной интонацией, словно пытался соблазнить его на сделку:

— Прошлой ночью я был слишком груб.

Фан Юй посмотрел на это лицо, изо всех сил стараясь подавить тошноту.

— Папочка прощает твою маленькую грубость.

Нань Шу прищурился:

— Папочка?

Фан Юй спокойно пояснил:

— Это такое обращение, чтобы подчеркнуть, как близки наши отношения.

Нань Шу переспросил:

— Правда?

Фан Юй кивнул:

— Зови.

Взгляд Нань Шу потемнел, но он всё же произнёс:

— Папочка.

Фан Юй кивнул. Жаль, конечно, что у него нет такого сына-скотины, как Нань Шу.

— Сначала выпей лекарство. — Нань Шу подхватил его под руки, как ребёнка, и приготовился перенести на соседнее кресло.

— Подожди, подожди, подожди! — Фан Юй весь напрягся.

Нань Шу остановился, в глубине его глаз промелькнуло беспокойство:

— Что случилось?

Фан Юй не хотел с ним разговаривать. Вы знаете, каково это, когда у женщины начинаются критические дни? Вот он сейчас чувствовал то же самое, к тому же у него не было прокладки!

Нань Шу окинул его взглядом и сразу всё понял. На его обезображенном лице появилась усмешка, выглядевшая крайне непристойно, и даже тёмный блеск в глубоких глазах под стать этому лицу стал походить на похотливое сияние:

— Это моя оплошность, забыл тебя очистить.

Фан Юй был готов ударить себя по лбу:

— Умоляю, перестань улыбаться! У меня не самое крепкое сердце.

Нань Шу лишь молчал.

Позже Фан Юй, держа в руках миску, медленно пил лекарство, опустив ресницы, которые отбрасывали на лицо безмятежную тень, в то время как Нань Шу стоял рядом и, замороженный, наблюдал, как открывается и закрывается этот припухший ротик.

— У меня сегодня есть дела, оставайся здесь и отдыхай. Никуда не выходи, помни об этом!

— Что случилось? — Фан Юй нахмурился.

— Нужно прихлопнуть кое-каких мелких насекомых. В любом случае, не покидай шатёр! — закончив, Нань Шу, казалось, всё ещё не был спокоен. Если бы не страх раскрыть свою личность, он бы предпочёл забрать Фан Юя с собой в основные войска. В последнее время в Государстве Лян было неспокойно: оттуда подослали убийцу, и один из двойников Нань Шу уже погиб.

Пусть этот двойник и был никчемным мусором, но в какой-то мере Фан Юй ценился еще ниже.

Не зная, какие еще козыри припас в рукаве наследный принц Государства Лян, Нань Шу не хотел подвергать Фан Юя опасности. Поразмыслив, он наклонился и вытащил из голенища короткий кинжал.

Глядя на этот короткий кинжал с простым, но величественным дизайном и зловеще поблескивающим лезвием, по одному виду которого было ясно, что вещь непростая, Фан Юй совершенно невозмутимо принял его, а затем поднял голову:

— У тебя случайно нет запаха ног?

— ...

С тех пор как он познакомился с Фан Юем, его терпение крепло с каждым днем. Трудно было сказать, к лучшему это или к худшему. С черным как туча лицом Нань Шу ответил:

— Есть или нет — возьми да понюхай.

Фан Юй тихо кашлянул:

— Нет-нет, пахнет приятно!

Почему от этих слов стало еще тоскливее? Нань Шу беспомощно вздохнул:

— Я пошел.

Фан Юй помахал рукой:

— Сайонара!

Нань Шу с мрачным взглядом уставился на него.

Фан Юй тут же исправился:

— Счастливого пути.

С лицом человека, готового уничтожить весь мир, Нань Шу удалился.

Когда он ушел, Фан Юй пролежал целые сутки. В палатке оставили сухой пайек и воду — стоило протянуть руку, и до всего дотянешься.

Стоило ему остаться в одиночестве, как мозг снова принялся лихорадочно соображать. Невольно вспомнилось вчерашнее: как упорно он сопротивлялся, сколько разумных доводов привел и даже прямым текстом предложил сотрудничество, чтобы прихлопнуть наследного принца Государства Лян, но всё это так и не смогло остановить его натиск.

В глазах Фан Юя промелькнула глубокая задумчивость. Проблему с голосом необходимо было решить, иначе он вечно будет связан по рукам и ногам. Голосовое заклинание являлось его козырной картой, но не повседневным оружием. Интересно, найдется ли в Пространстве Главного Бога что-нибудь способное изменить энергетику голоса...

Он так устал, что, пока размышлял об этом, проспал всю первую половину дня.

Когда он снова открыл глаза, его сонный затуманенный мозг мгновенно протрезвел, стоило лишь оглядеть окружающую обстановку. Наступила ночь. Сейчас он сидел на траве под

охраной нескольких облаченных в черное людей, лица которых скрывали маски с прорезями для глаз. Прямо перед ним, стоя к нему спиной, замер силуэт в лунно-белых роскошных одеждах. Тонкая, прямая фигура, черные волосы собраны под бело-нефритовой короной с серебряными перьями, а часть прядей рассыпалась по спине, слегка колыхаясь от дуновений ветра.

Звуки флейты — то жалобные, то надрывные — плыли по ночному воздуху, сливаясь с дуновением ветра...

Лишь когда мелодия смолкла, этот человек медленно повернулся, являя взору лицо прекрасное, как нефритовую крупицу, но слегка бледное. На нем не отражалось никаких эмоций — даже заметив свирепые следы от поцелуев на шее Фан Юя, он не выказал и тени удивления, оставшись донельзя холодным и бесчувственным.

Спустя долгое время его тонкие бледные губы тронула красивая, но фальшивая улыбка:

— Фан Юй.

Опираясь о ствол дерева, Фан Юй с трудом поднялся на ноги, шатаясь и падая несколько раз подряд, но от собеседника не дождался ни малейшей помощи. Гадая о личности этого человека, он молча опустился на колени. Пряди волос упали на щеку, придавая ему еще более тхилый и жалкий вид.

— Встань. Ночи нынче холодные, смотри не заболел.

Мысленно Фан Юй выругался: раз так, нечего было вытаскивать его среди глухой ночи, наследный принц Государства Лян!

Именно так — кроме наследного принца Государства Лян, Фан Юй никого другого и заподозрить не мог!

Затем тело Фан Юя качнулось, и он перешел в позу полулежа — это всяко было удобнее, чем стоять на коленях.

Улыбка Ци Цзинжуна немного застыла, и он со сложным выражением лица произнес:

— ...Юй-эр сегодня какой-то странный.

Не дожидаясь ответа, он, похоже, сам во всем разобрался и с озабоченным видом пояснил:

— Впрочем, верно, здоровье Юй-эр всегда оставляло желать лучшего, так что вполне нормально, если он не выдержал.

Фан Юй: «...»

Ци Цзинжун продолжил:

— Однако Юй-эр, смотри не поддайся мимолетной страсти, позабыв о первоначальной цели.

Фан Юй покачал головой: коль жизнь человеческая не приносит радости, к чему вообще было являться на этот свет? Раз уж выпал час для наслаждений — предайся им сполна, не позволяя жизни оставлять пустые сожаления!

Заметив скорбное выражение лица Фан Юя, в котором читались угрызения совести и ревность,

беспричинная тяжесть на сердце Ци Цзинжуна наконец-то немного рассеялась:

— Способность признать ошибку делает тебе честь. Я пришел лишь провести тебя. С кражей военной печати можно не спешить, твоя безопасность превыше всего.

Фан Юй снова покачал головой: если он не стыбзит военную печать, ему конец!

Ци Цзинжун вздохнул:

— Глупый мальчишка. Ладно, возвращайся назад, а по дороге встретишь людей — сам знаешь, что сказать.

Тогда Фан Юй поднялся на ноги и зашагал прочь. Его силуэт быстро растворился в густых зарослях леса, не выказывая ни капли сожаления при расставании.

Ци Цзинжун прищурился и тщательно всё припомнил:

— Он не произнес ни слова.

Один из облаченных в черное людей подошел к наследному принцу Государства Лян:

— Он предан принцу, а теперь лишился невинности да еще и попался на глаза вашему высочеству — небось до смерти перепугался, вот язык от страха и проглотил.

— Вот как?

Интуиция подсказывала Ци Цзинжуну, что дело тут нечисто. Вдобавок к растерянности, в поведении Фан Юя отчетливо сквозило спокойствие.

— Ой, гляньте-ка, кто это тут у нас?

Фан Юй как раз подошел к Зоне военнопленных, когда ему навстречу вышли несколько солдат, и голос одного из них буквально сочился злобой.

Солдаты узнали Фан Юя, да и он их прекрасно помнил. Разве это не те самые защитники, которые прежде вились вокруг Дуаньму Сяолин словно псы? Прикинув, что может произойти дальше, Фан Юй остановился, скрестил руки на груди и принял расслабленный вид. Его красивые брови и глаза разгладились, и в лунном свете он стал похож на лесного духа.

Началось, наконец-то началось... Классический сюжет из романов, где персонажи унижают главного героя, а потом огребают пощечин!

Солдаты на мгновение остолбенели. Обладавший самым острым зрителем солдат заметил следы на шее Фан Юя, а затем окинул взглядом его расстегнутые одежды, которые казались готовыми соскользнуть в любой момент и обнажить скрытую под ними соблазнительную плоть. В его глазах промелькнуло отвращение, и он тут же разразился насмешками:

— Какая же дешевка, из-за него даже госпожу Дуаньму начальник Наблюдателей отчитал!

— Человеку с такой змеиной натурой не место в армии! Интересно, чем он вообще приглянулся начальнику Наблюдателей?

— Если у тебя хоть капля совести осталась, немедленно убирайся от начальника Наблюдателей! Возвращайся к своим друзьям-бомжам в лагерь военнопленных.

Другой солдат бросил взгляд на всё еще слегка подрагивающие ноги Фан Юя, и его лицо исказилось от злобы:

— Может, он так угождает начальнику в постели, что тому донельзя сладко? Только вот разве может мужчина доставить столько удовольствия?

— Наверное, круче, чем баба! Ты только глянь на эту его блядскую физиономию!

— А может, нам тоже попробовать? Если мы никому не скажем, кто узнает? Да даже если и проболтается, кто ему поверит? Мы же чисты перед законом и сидим в Зоне военнопленных! Любой сможет подтвердить наше алиби!

Солдаты переглянулись, и каждый решил, что идея великолепна. Даже если они случайно заиграются до смерти, обвинить можно будет только самого Фан Юя — зачем среди ночи околачиваться вне палатки и шастать по лагерю на поиск приключений?

— Здесь темновато, я знаю местечко получше!

— Где?

— Как думаешь, что с ним станет, если его сожрет Господин Бай?

— Ха-ха-ха! Гениально! То любимец самого генерала, кто посмеет наказать зверя! Идем, ведем его туда!

Фан Юй очень хотел посоветовать им: если уж приспичило сдохнуть, не стоит делать это столь поспешно! Он ведь еще толком ничего не предпринял, так с чего они сами лезут на плаху? Жаль только, что сейчас он был немым, говорить не мог, да к тому же слыл слабым юношей.

Одна из рук протянулась, чтобы схватить его за воротник, но Фан Юй оттолкнул ее.

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому!

Солдат вышел из себя, врезал Фан Юю кулаком в живот и, пользуясь тем, что тот согнулся пополам, взвалил его на плечо и зашагал вперед. В животе непрерывно кололо, а от тряски при ходьбе казалось, будто внутри проворачивают кинжал. Лицо Фан Юя побелело, виски покрылись холодным потом, и в тишине ночного леса отчетливо раздавалось его тяжелое прерывистое дыхание, от звука которого у мужчин кровь закипала в жилах.

— И впрямь маленькая блядюга! — выругался солдат, прибавляя шаг.

Вскоре группа солдат притащила Фан Юя туда, где отдыхал Бай Юнь.

Бай Юнь мгновенно распахнул глаза размером с медные монеты!

Но глупцы не обратили ни малейшего внимания на перемену в звере, увидевшем Фан Юя. Нетерпеливо швырнув парня на землю, они навалились на него: один придавил его руки к голове, двое других схватили за щиколотки и широко раздвинули ноги. При таком обращении Фан Юй был не в силах сопротивляться! Напротив, от борьбы его одежды распахнулись еще сильнее, обнажая испещренную следами шеи.

Грубая ладонь откинула назад прилипшие к лицу пряди волос, ярче выставив напоказ бледное, надменно-холодное лицо Фан Юя, и тот отчетливо услышал, как мужчины жадно сглотнули слюну.

Наклонившись над Фан Юем, солдат жадно потянулся к его губам, но не успел коснуться соблазнительного рта, как в воздухе блеснуло лезвие. Его отбросило назад — пролетев по воздуху, он со всего маху врезался в дерево и рухнул на землю. Голова несчастного повернулась как раз к Фан Юю: на лице и шее красовались пять глубоких, до кости, ужасающих рваных ран, а один глаз вытек и болтался снаружи.

Остальные замерли. Леденящий ужас волной поднялся от пят до макушки. Они оцепенело повернулись и увидели огромного белого тигра с капающей с передних лап кровью, который неведь когда подобрался к изголовью Фан Юя. Непонятно откуда набравшись храбрости, солдаты вмиг обрели рассудок и с диким воплем бросились врассыпную, убегая в разные стороны. Бай Юнь потерял мордой о шею Фан Юя, а затем ринулся за тем из них, кто бежал медленнее остальных.

Когда тигр вернулся, на том же месте Фан Юя уже не было. Обеспокоенно покружившись там, где он лежал, зверь принялся к оставшемуся в воздухе аромату, глухо зарычал и на мощных лапах стремительно помчался в сторону главных армейских палаток.

<http://bllate.org/book/25668/3062012>